

Иванов Спиридон Алексеевич

ДИАЛЕКТНОЕ ФОНЕТИЧЕСКОЕ СООТВЕТСТВИЕ Ы-И / И-Ы В ГОВОРАХ ЯКУТСКОГО ЯЗЫКА

В статье рассматривается диалектное фонетическое соответствие ы-и / и-ы в говорах якутского языка, отмечаемое в основах иноязычного происхождения. В этих варьированиях, по мнению автора статьи, с одной стороны, в какой-то мере отражаются некоторые следы стадиального развития вокоидов ы и и в некогда контактировавших языках и диалектах; с другой стороны, варьирование такого рода почти не встречается в исконно якутских (тюркских) основах. Это может свидетельствовать о том, что язык, легший в основу якутского, очень рано отделился от основной массы тюркской общности, и в силу изолированного развития ему удалось сохранить древнейшее качество тюркского вокализма.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2015/6-2/24.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 6 (48): в 2-х ч. Ч. II. С. 85-88. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2015/6-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

6. Шмелева Т. В. Жанроведение? Генристика? Генология? // Антология речевых жанров: повседневная коммуникация. М.: Лабиринт, 2007. С. 62-67.
7. <http://goodtea.ru> (дата обращения: 30.03.2015).
8. <http://teaexpress.ru> (дата обращения: 30.03.2015).

THE SPEECH GENRE OF TEA MENU: ISSUES OF DERIVATOLOGY

Zavyazkina Irina Nikolaevna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
North Caucasian Federal University
irina.zavyazkina@yandex.ru

The article deals with derivational processes in education and change of the speech genre of tea menu, the dependence of its genre-formative parameters (communicative purpose, images of the addresser and the addressee, factors of the past and the future, graphic-spatial organization and so on) and structural and linguistic features on different types of discourse. The author identifies the ambiguous motivation of this genre and describes its mutational and modification transformations.

Key words and phrases: speech genre; genre space of communication; genre-formative parameter; tea menu; discourse of tea-drinking; derivatology; derivational processes; modification; mutation; way of compression.

УДК 81-2

Филологические науки

В статье рассматривается диалектное фонетическое соответствие ы~и / и~ы в говорах якутского языка, отмечаемое в основах иноязычного происхождения. В этих варьированиях, по мнению автора статьи, с одной стороны, в какой-то мере отражаются некоторые следы стадийного развития вокалов ы и и в некогда контактировавших языках и диалектах; с другой стороны, варьирование такого рода почти не встречается в исконно якутских (тюркских) основах. Это может свидетельствовать о том, что язык, легший в основу якутского, очень рано отделился от основной массы тюркской общности, и в силу изолированного развития ему удалось сохранить древнейшее качество тюркского вокализма.

Ключевые слова и фразы: фонетическое соответствие; нёбные и ненёбные варианты; древнетюркский язык; письменно-монгольский язык; переломы монг. /; фонема; вокализм.

Иванов Спиридон Алексеевич, д. филол. н.

Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера
Сибирского отделения Российской академии наук
spiridon_ivanov@mail.ru

ДИАЛЕКТНОЕ ФОНЕТИЧЕСКОЕ СООТВЕТСТВИЕ Ы~И / И~Ы В ГОВОРАХ ЯКУТСКОГО ЯЗЫКА[©]

Указанное фонетическое соответствие в исконно якутских основах, кроме *кирдик~кырдык, кирдык~кырдык, кидьдык~кыдьдык* (правда, истина; истинный, верный, достоверный; правда, верно, действительно) [22, с. 210], почти не встречается, хотя подобное явление, квалифицируемое в тюркологии как межъязыковое, междиалектное, фонетическое соответствие, наблюдается в других тюркских языках. Многочисленные случаи колебания в употреблении *ы* и *и* в корневой сфере тюркского слова ученые объясняют «отсутствием фонемы *ы* в вокалической системе раннего пратюркского» языка [18, с. 53] или рассматривают их как «следы фонологического неразличения гласных *ы* и *и* в пратюркской языковой общности» [Там же, с. 96]. А. Н. Кононов, создавший «Граматику языка тюркских рунических памятников VII-IX вв.», установил наличие в указанном языке гласных *ы* и *и*, но он рассматривал их как разновидности единой фонемы, которая в зависимости от качества соседнего согласного имела варианты, сближающие с *i~i* [10, с. 61]. Но в то же время В. Г. Кондратьев, специально исследовавший грамматический строй памятников древнетюркской письменности VIII-XI вв., учитывая данные современных тюркских языков, реконструирует в вокализме этих памятников восемь кратких фонем, в том числе фонемы *ы* и *и*. Кроме того, этот исследователь допускает, что в языке памятников древнетюркской письменности существовали долгие гласные [9, с. 17-18]. А. М. Щербак после всестороннего анализа состава фонем и особенностей их фонетической реализации в современных и древних тюркских языках восстанавливает для праязыка фонологическую систему, состоящую из восьми кратких и восьми долгих гласных [20, с. 76-77]. Такого же мнения, на мой взгляд, придерживаются авторы «Сравнительно-исторической грамматики тюркских языков» [17, с. 8; 18, с. 65]. По количественно-качественным признакам почти такая же картина сохраняется в современном якутском языке, хотя были случаи перехода гласных, образование долгих гласных и дифтонгов, в результате чего данный язык сегодня имеет 20 гласных фонем [6, с. 19-20].

Монголисты также подвергают сомнению существование в древнемонгольском языке двух самостоятельных фонем *ы* и *и*, считая их аллофонами одной и той же фонемы, и допускают, что если когда-то «существовали все-таки две самостоятельные фонемы *ы* и *и*, то этот период надо отнести к очень отдаленному, фактически необозримому прошлому» [1, с. 107]. Однако В. И. Рассадин, на мой взгляд, убедительно показал, что тенденция перелома *i* в монгольских языках началась очень давно, еще на стадии *ы*, и продолжалась и завершилась уже на стадии *и*» [15, с. 124].

В якутском языке колебание в употреблении *ы* и *и* наблюдается преимущественно в монголизмах: *ньирэй-ньишрэй*; *ньырай-ньыырай* (новорожденный, младенец; дитя; теленок); *сирэй-сырай* (лицо), где, как показывает картографирование, твердорядные варианты в якутских говорах первичны, мягкорядные вторичны [4, с. 52-53, карты 12, 13]. В якутском языке *ньирэй-ньырай* и *сирэй-сырай*, видимо, очень древние заимствования: в них сохранилось средневековое монгольское *i* в виде *и* и *ы*, так как в современном монгольском языке мы находим: *нярай* (родившийся недавно) [13, с. 289]; *царай* (лицо, физиономия) [Там же, с. 604], а в современном бурятском – *нарай* (ребенок; только что родившийся (о молодняке животных)) [2, с. 322]; *шарай* (лицо, физиономия) [Там же, с. 721]. Предполагается, что современное бурятское *нарай* получилось после перелома монг. *i* на стадии *i*, а современное монгольское *нярай* – после перелома монг. *i* на стадии *i* (о переломах монг. *i* см.: [15, с. 23-26, 116-132]).

В некоторых колебаниях в употреблении *ы* и *и* в монголизмах, возможно, отражается аллофонный характер употребления монгольского *i* средневекового периода:

якут. *быычыкаан-биичикээн* (маленький, мизерный) – п.-монг. *biciqan~bičiken* [14, стлб. 481, 647]; совр. монг. *бяцхан* [13, с. 103]; совр. бур. *бишыхан* (маленький) [2, с. 95] – от др.-тюрк. *bičä* (маленький) [5, с. 18] + «общеалтайский аффикс диминутива» *-qan* [8, с. 103; 10, с. 96];

якут. *ньиккэрий-ньыккарий-* (вытирать, соскабливать) [14, стлб. 1721, 1741] – п.-монг. *nidkere-*; ордосск. *nedkere-* (мять пальцами) [23, S. 59] – совр. монг. *нитгэрэх-* (сучить, вить; массировать) [13, с. 269]; совр. бур. *нидхэрхэ-* (мять, разминать кожу (кожемялкой); массировать) [2, с. 326];

якут. *силдьирий-сылдырый-* (скатиться, спускаться) – п.-монг. *šilžire-* (выскальзывать) [23, S. 107] – совр. монг. *шилжих-* (переходить, переезжать) [13, с. 651]; совр. бур. *шэлжэрхэ-* (скользить) [2, с. 744];

якут. *килбэй-кылбай-* (блестеть) [14, стлб. 1084, 1383]; *килбэгир-кылбагыр* (блестящий, светлый) [Там же, стлб. 1084, 1381]; *килбэдьий-кылбалдьий-* (блистать, лосниться) [Там же, стлб. 1084, 1383] и некоторые другие [8, с. 89], имеющие монгольские параллели и получившие повсеместное распространение. Они интересны тем, что мягкорядные их варианты как будто сохраняют фонетическое оформление монгольских этимонов средневекового периода, а твердорядные – либо показывают более позднюю модификацию на почве якутского языка, либо отражают то весьма древнее состояние, когда еще отличались фонологически *i* и *i* в монгольских диалектах.

Употребление *и* вместо *ы* наблюдается в речи якутов, носителей говора северо-западной диалектной зоны.

В эвенкизмах: *актамии* (олень, холощенный в старшем возрасте) – эвенк. *актамии-* (холостить, кастрировать, оскоплять); *умакии* (бедро), (бедренная кость оленя) – эвенк. *умэкии* (бедро, ляжка животного); *начарши* (двухгодовалая важенка) – эвенк. *сачарши* в том же значении; эвенк. манчаарии – якут. *манчаары* (осока).

В исконно якутских основах: *бастакии* – якут. *бастакы* (передний, главный); *кыргиттар* – якут. *кыргыттар* и т.д. [3, с. 50-51, 68-69, 76-77, 86, 91].

Как видно из этих примеров, здесь явно не соблюдается закон гармонии гласных, действующий в языке якутов, что вызвано употреблением эвенкийского индифферентного *и*.

Индифферентный *и* в эвенкийском, по мнению исследователей, также является результатом былого сближения в тунгусских языках некогда просуществовавших самостоятельных фонем *ы* и *и* [11, с. 97; 19, с. 122].

Г. П. Мельников, таким образом, имел полное основание писать, что «широко распространен как в тюркских так и во многих других урало-алтайских языках факт сингармонической нейтрализации гласного *и* т.е. превращения двух гласных *и* и *ы* в один нейтральный *и*» [12, с. 135]. С помощью пирамидального моделирования тюркского вокализма ученый объясняет это явление, т.е. нейтрализацию гласных *ы* и *и*, акустически наименее надежной противопоставленностью указанных звуков друг другу по признаку ряда, поэтому они легко сливаются в благоприятных фонетических условиях.

Исходя из изложенного, следует констатировать, что тюркская основа якутского языка в момент массового наплыва монголизмов была языком или диалектом с вполне устоявшимися закономерностями. Не удивительно поэтому, что варьирование встречается лишь в заимствованной лексике: в монголизмах и некоторых эвенкизмах. А в исконно тюркских основах не наблюдается такого рода варьирование. В них мы обнаруживаем либо заднерядный вариант, либо переднерядную разновидность. Например, в односложных корневых основах:

якут. *быс-* (резать) – др.-тюрк. *bič* (срезать), *bič* (резать) [5, с. 98, 104];

якут. *ыт* (собака) – др.-тюрк. *it-īt* (собака) [Там же, с. 215, 221];

якут. *тыл* (язык) – др.-тюрк. *til-til* (язык) [Там же, с. 559, 566];

якут. *быт* (вошь) – др.-тюрк. *bit* (вошь) [Там же, с. 103]; тув. *быт*, тоф. *быыт*, сойот. *пыт* [21, 1978, с. 152];

якут. *бус-* (вариться; созревать) – др.-тюрк. *biš* (зреть (о растениях)) *biš-* (вариться, свариться); (зреть, поспевать (о растениях)) [5, с. 103, 105].

Этимология указанных слов, их твердорядные и мягкорядные варианты в современных тюркских языках и диалектах подробно представлены в Этимологическом словаре тюркских языков Э. В. Севортяна [21]. В свете этих данных создается впечатление, что в якутском языке сохранились ненёбные варианты, напоминающие древнейшие исходные формы: *быс-* – **пыч-*, *ыт* – **ыйт*, *быт* – **пыйт*, *тыл* – **тыл* (праформы взяты из работы [20, с. 194, 195, 197]).

Наряду с вышеприведенными односложными словами в якутском языке наличествуют корневые основы с мягкорядными гласными, древнетюркские параллели которых имеют и нёбную, и ненёбную огласовку:

- якут. *бии* (лезвие) – др.-тюрк. *bi~bī* (лезвие) [5, с. 97, 104] < **niu*;
 якут. *тиис* (зуб) – др.-тюрк. *tiš~tiš* (зуб) [Там же, с. 536, 569] < **тыиш~тииш*;
 якут. *иис* (работа, рукоделие, шитье) – др.-тюрк. *iš~iš* (дело) [Там же, с. 214, 220] < **ыиш*;
 якут. *иис* в *суол-иис* (дорога) – др.-тюрк. *iz~iz* (след) [Там же, с. 216, 221] < **ыис*;
 якут. *иин* (яма, берлога) [Там же, с. 261, 267] *jin~jin* (нора, берлога) < **iin* (праформы взяты из работы [20, с. 194-198]).

Если исходить из указанных праформ, то в якутском языке сохранилось древнейшее фонетическое оформление (**niu*>*бии*), а иногда в определенных фонетических условиях произошла палатализация древнейшего *i* под влиянием среднеязычного палатального *j* (**йин*>*иин*).

Вариативность в тюркских языках наблюдается также в двусложных основах, а якутский в таких случаях, как правило, сохраняет один лишь вариант – либо ненёбный, либо нёбный.

Ненёбный: якут. *былыр* (в старину, в прежние времена) – др.-тюрк. *bildur* (прошлый год) [5, с. 105]. По мнению Э. В. Севортыяна, формы *билтир~былтыр*, *билдир~былдыр* в тюркских языках и диалектах возникли в результате разных направлений действия гармонии гласных [21, 1978, с. 140]:

якут *быһах* (нож) – др.-тюрк. *bičäk~bičağ* (нож) [5, с. 98, 104], которые развились из *bi~bī* (лезвие, нож?) [Там же, с. 97, 104], отсюда более вероятной считается этимология, предложенная А. фон Габэн: *бычақ~бичэк* из *бии* (нож) + афф. уменьшительности *-чах* [21, 1978, с. 160]; якут. *быһах* не имеет мягкорядного варианта;

якут. *кыһый-* (зудеть, чесаться; раздражаться) – др.-тюрк. *kiči-* (чесаться) [5, с. 306] + *-й* – дополнительный аффиксальный элемент в конце глаголов действия-состояния, возникший в рамках развития самого якутского языка вследствие тенденции выравнивания конца глагольных основ [7, с. 228-242]; нёбные и ненёбные формы Э. В. Севортыяна возводит к односложным корневым основам **кич* / **қыч* и **кич-* / **қыч-*, предположительно имеющим подражательное значение [21, 1980, с. 42, 391];

якут. *тыһы* (самка) – др.-тюрк. *tiši~tiši* (женщина) [5, с. 563, 569]; ненёбные варианты обнаружены в татарских, алтайских диалектах и, по предположению Дж. Клосона, они должны быть самыми ранними, а Г. Дёрфер архетип *диши~тииш* и т.д. также представляет в виде *тышыы* [21, 1980, с. 244].

Нёбный: якут. *итий-* (становится теплым, горячим) – др.-тюрк. *isi~iši-* (становится горячим, согреться) [5, с. 213, 220] + *-й* – вышеотмеченный добавочный элемент.

Производящей основой словоформ *ысы-* / *ыссы-* по Э. В. Севортыяну, являются глагольно-именные омоформы **ыс~*ыс-*, а *исси-*, по предположению В. Банга, из **ис-+си-* [21, 1974, 670] якутский нёбный вариант *ити-й-* не имеет ненёбного варианта, хотя в языке древних тюрков восстанавливают ненёбные и нёбные варианты произношения:

якут. *силис* (корень) – др.-тюрк. *jildiz* (корень, основание) [5, с. 266]; в тюркских языках и диалектах отмечаются нёбные и ненёбные разновидности, что, по мнению исследователей, сосуществуют параллельно с далекими временами [Там же, с. 350], хотя они возводятся к тюрк. **йыл-* (извиваться, ползать) + афф. *-дыз* / *-тиз*, образующий причастные формы [16, с. 179-180].

Исходя из всего вышесказанного, можно допустить, что:

– древний язык или диалект, легший в основу якутского языка, очень рано отделился от основной массы древнетюркской общности и в итоге длительного изолированного от этой языковой общности развития ему удалось сохранить древнейшее фонетическое оформление слов, до сих пор еще не знавших варьирования по корневым гласным *ы* и *и*;

– следы древнейшего сближения или фонологической нейтрализации фонем *ы* и *и* не встречаются в исконно тюркских основах якутского языка; слова, имеющие в говорах и диалектах современных тюркских языков твердоядные~мягкорядные фонетические соответствия, сохранились в якутском языке либо в ненёбной, либо в нёбной огласовке;

– варьирование слов по корневым гласным *ы* и *и* стало возможным в языке якутов в более позднее время в результате фонетического освоения монголизмов и некоторых эвенкизов, имеющих с точки зрения закономерностей якутского сингармонизма, асингармонический состав гласных.

Сокращения

Др.-тюрк. – древнетюркский язык; ордосск. – язык монголов Ордоса; п.-монг. – письменно-монгольский язык; совр. бур. – современный бурятский язык; совр. монг. – современный монгольский язык.

Список литературы

1. Бураев И. Д. Становление звукового строя бурятского языка. Новосибирск: Наука, 1987. 185 с.
2. Бурятско-русский словарь. М.: Сов. энциклопедия, 1973. 803 с.
3. Воронкин М. С. Северо-западная группа говоров якутского языка. Якутск: Кн. изд-во, 1984. 222 с.
4. Диалектологический атлас якутского языка / сост. С. А. Иванов. Якутск: Изд-во ЯФ СО РАН, 2004. Ч. I. Фонетика. 128 с.
5. Древнетюркский словарь. Л., 1969. 677 с.
6. Дьячковский Н. Д. Звуковой строй якутского языка: в 2-х ч. Якутск: Кн. изд-во, 1971. Ч. I. Вокализм. 192 с.

7. Дьячковский Н. Д. Звуковой строй якутского языка: в 2-х ч. Якутск: Кн. изд-во, 1977. Ч. II. Консонантизм. 252 с.
8. Иванов С. А. Центральная группа говоров якутского языка: Фонетика. Новосибирск: ВО «Наука», 1993. 352 с.
9. Кондратьев В. Г. Грамматический строй памятников древнетюркской письменности VIII-IX вв. Л., 1981. 184 с.
10. Кононов А. Н. Грамматика языка тюркских рунических памятников VII-IX вв. Л.: Наука, 1980. 256 с.
11. Котвич В. Исследование по алтайским языкам. М.: Изд-во АН СССР, 1962. 286 с.
12. Мельников Г. П. Принципы системной лингвистики в применении к проблемам тюркологии // Структура и история тюркских языков. М., 1971. С. 121-137.
13. Монгол орос толь. М., 1957. 715 с.
14. Пекарский Э. К. Словарь якутского языка: в 13-ти т. СПб., 1907-1930.
15. Рассадин В. И. Очерки по исторической фонетике бурятского языка. М.: Наука, 1982. 198 с.
16. Севортян Э. В. Аффиксы именного словообразования в азербайджанском языке: опыт сравнительного исследования. М.: Наука, 1966. 437 с.
17. Серебренников Б. А., Гаджиева Н. З. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. М.: Наука, 1986. 304 с.
18. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: фонетика / отв. ред. Э. Р. Тенишев. М.: Наука, 1984. 912 с.
19. Цинциус В. И. Сравнительная фонетика тунгусо-маньчжурских языков. Л., 1949. 342 с.
20. Щербак А. М. Сравнительная фонетика тюркских языков. Л.: Наука, 1970. 204 с.
21. Этимологический словарь тюркских языков / сост. Э. В. Севортян и др. М., 1974. 768 с.; 1978. 349 с.; 1980. 395 с.
22. Якутско-русский словарь / ред. П. А. Слепцов. М., 1972. 608 с.
23. Kaluzynski St. Mongolische Elemente in der jakutischen Sprache. Warszawa, 1961. 170 S.

DIALECT PHONETIC CORRESPONDENCE Ы~И / И~Ы IN PATOIS OF THE YAKUT LANGUAGE

Ivanov Spiridon Alekseevich, Doctor in Philology
Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
spiridon_ivanov@mail.ru

The article examines the dialect phonetic correspondence *ы-и / и-ы* in the patois of the Yakut language found in the stems of foreign origin. According to the author of the paper, in these variations, on the one hand, some traces of the stage development of the vocoids *ы* and *и* in languages and dialects that were in contact in former times are reflected to some extent; on the other hand, the variation of such kind is practically not met in the indigenously Yakut (Turkic) stems. This may testify for the fact that the language, which formed the basis for the Yakut one, had separated from the basic mass of the Turkic community very early, and on account of its isolated development it managed to preserve the most ancient quality of the Turkic vocalism.

Key words and phrases: phonetic correspondence; palatine and non-palatine variants; the Old Turkic language; the written Mongolian language; changes of the Mongolian *l*; phoneme; vocalism.

УДК 80

Филологические науки

В статье на основе данных проведенного направленного ассоциативного эксперимента описан комплекс периферийных признаков стереотипного образа любви, свойственного носителям русского языка. Эти признаки представляют данное чувство прежде всего как внешнюю силу, оказывающую воздействие на человека, имеющее внутреннюю фазовую динамику, а также обладающую нарастанием.

Ключевые слова и фразы: периферия стереотипного образа любви; направленный ассоциативный эксперимент; качественно-количественный анализ; семантические группы; языковая память носителей русского языка.

Иващенко Галина Алексеевна

Таганрогский институт имени А. П. Чехова (филиал)
Ростовского государственного экономического университета (РИНХ)
galina.ivashenko@inbox.ru

ПЕРИФЕРИЯ ПРИЗНАКОВ СТЕРЕОТИПНОГО ОБРАЗА ЛЮБВИ[©]

Любовь является одним из наиболее значимых и наименее понятных феноменов эмоциональной сферы человека. Поэтому закономерно, что ее исследуют всесторонне, в том числе и ее отражение в языковой картине мира. Антропоцентрический подход, свойственный современной лингвистике, существенно актуализировал внимание к проблеме выявления стереотипного в языковом образе любви [1; 3-5; 7]. Однако вне рассмотрения обычно остается его периферия, без которой понимание образа не может быть полным.

В предлагаемой статье в качестве материала для изучения периферии стереотипного образа любви использованы данные направленного ассоциативного эксперимента [2, с. 16; 6, с. 54], к которому еще не обращались лингвисты при изучении стереотипного образа любви.